

Пасечный Д. Ю. (ВГПУ)

ПРИЗНАК ПЕРСОНАЖА И ОППОЗИЦИЯ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЖА ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Впервые вопрос о возможности системного анализа при изучении структуры русской волшебной сказки был поставлен В. Я. Проппом в работах «Морфология сказки» и «Исторические корни волшебной сказки». Здесь же прозвучала идея рассматривать персонаж сказки как некую совокупность выполняемых им функций. Функции эти определялись природой персонажа, заключая его в отведенную сказочной канвой нишу (герой, вредитель, волшебный помощник и т. д.). Однако классификация персонажа относительно набора присущих ему функций может быть затруднена тем, что один и тот же персонаж, присутствующий в различных сказочных сюжетах, выступает в различных ипостасях и выполняет функции героев различных типов. Так, Баба-яга в одной ситуации выступает в качестве вредителя, желающего погубить героя, а в другой позиционируется как помощник, одаривающей героя слугой, волшебным предметом или информацией, необходимой для прохождения испытания; в роли похитителя могут выступать как Змей, похищающий невесту, так и Иван-царевич, крадущий молодильные яблоки.

Данная полифункциональность персонажей волшебной сказки объясняется тем, что каждый из них может быть представлен в качестве совокупности свойств и состояний, отражающих индивидуальный, социальный, локальный и другие статусы персонажа. Акции, совершаемые героем, оказываются в равной степени обусловлены не только

мотивацией, но и его статусом в системе действующих лиц сказки.

Целью настоящей работы стало исследование взаимосвязи и взаимообусловленности статуса персонажа, свода выполняемых им функций и роли, отведенной ему в структуре сказочного сюжета. Фундаментом для этого послужила система семантических оппозиций, в рамках которой реализуются различные характеристики персонажа. Материалом для исследования послужил сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» в 3-х томах, М., 1958 г.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров в работе «Славянские языковые моделирующие системы» привели ряд универсальных оппозиций, характерных для данной культуры, выделив в качестве основы противопоставления различие положительного и отрицательного по отношению к личности и коллективу в целом, что обусловлено прагматическими целями коллектива. Эта оппозиция реализуется в серии частных, среди которых выделяются оппозиции:

1. счастье – несчастье;
2. жизнь – смерть;
3. чет – нечет;
4. правый – левый, верх – низ, юг – север, восток – запад, море – суша (пространственная характеристика);
5. день – ночь, весна – зима, солнце – луна, светлый – темный, огонь – влага, сухой – мокрый, земля – вода (характеристики, приуроченные ко времени, цвету или стихии);
6. свой – чужой, мужской – женский, старший – младший (социальная характеристика).

Коллектив авторов во главе с Е. М. Мелетинским в статье «Проблемы структурного описания волшебной сказки» выделил ряд оппозиций, реализующихся в

названном жанре. Мы, внося некоторые уточнения и дополнения в соответствии с очерченной проблематикой, представляем их следующим образом:

Индивидуальный статус персонажа

В данную группу входит следующий ряд оппозиций:

естественный – сверхъестественный;
антропоморфный – неантропоморфный;
мужской – женский;
добрый – злой;
живой – мертвый;
здоровый – больной;
спящий – бодрствующий;
целый – расчлененный;
истинный – преображенный;
видимый – невидимый;
сильный – слабый;
мудрый – глупый;
красивый – уродливый;
большой – маленький;
умелый – нерадивый;
старый – молодой;
взрослый – ребенок.

Семейный статус персонажа

Сюда входят следующие оппозиции:

кровное родство – некровное родство;
брачный партнер – небрачный партнер;
старший – младший.

Сословный статус персонажа

Данную группу составляют следующие оппозиции:

богатый – бедный;
хозяин – слуга;
светский – простолюдин.

Локализация персонажа

В данную группу включены следующие оппозиции:

свой локус – чужой локус;
изолированный – неизолированный;
дом – лес;
дом – путь.

Акции персонажа

Данные оппозиции отражают характер совершаемых персонажами действий, безусловно коррелирующие с их статусом и рядом предписываемых ему функций, являются плодом анализа нами самого фольклорного материала, посему данный перечень может быть далеко не полным:

действие – бездействие;
физическое воздействие – ментальное воздействие;
речевая акция – моторная акция;
разрушение – восстановление.

В качестве персонажей сказки рассматриваются такие объекты, которые принимают участие в действии и могут исполнять в ней ту или иную роль. Вопрос о том, действует ли данный объект или нет, чрезвычайно важен, так как этот признак позволяет чисто формально отделить «персонаж» от «вещи». Даже в одном и том же тексте действовать могут последовательно человек, животное и, наконец, предмет. Так, в сказке «Волшебное кольцо» герой Мартын вдовый сын сначала действует сам: выкупает на оставленные отцом деньги собаку и кошку, спасает змею из огня, получает от нее «чудодейное кольцо», женится на царевне, которая, завладев кольцом, улетает в тридесятое царство; героя после пропажи царевны сажают в каменный столб, а эстафета действий передается его помощникам – собаке и коту: именно они проникают в тридесятое царство, добывают похищенное кольцо, вынуждают «царя над всеми раками» помочь, когда роняют кольцо в море, доставляют кольцо хозяину; далее действует уже «чудодейная» сила кольца – двенадцать молодцов, возвращающие герою его жену.

Как видим, в волшебной сказке действия совершаются и людьми, и животными, и предметами. Но те же самые люди, животные или предметы спорадически возникают в сказке в качестве фона, на котором разворачивается действие, хотя сами в нем не участвуют. Так, печь, предлагающая девочке укрыться в ней ради спасения от преследователей, выступает в качестве типичного волшебного помощника, в то время как печь во фрагменте «дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил» становится концептуальным выразителем, маркирующим такое качество героя как лень. Печь может выступать и в качестве признака локального статуса персонажа – сверчка или Запечника. Такой же вывод можно сделать и когда речь идет об антропоморфных персонажах сказки. Так, в сказках некоторые члены семьи, находящиеся в разных степенях родства с героем, могут выполнять какие-то действия, играя роль вредителя, дарителя и т. д., а будучи бездеятельными, оказываются лишь атрибутами семейного статуса героя.

К вышеозначенной оппозиции примыкает оппозиция «физическое – ментальное действие», которую можно сравнить с непосредственным или опосредованным воздействием героя на объект или внешнюю среду. Так, оказываясь в конфликтной ситуации, герой неизбежно становится перед выбором путей его разрешения. Герой может действовать самостоятельно, опираясь на собственные силы и умения (ср. с былинным богатырем), но чаще всего, проходя испытание, прибегает к помощи посторонних сил – волшебных предметов, зверей-помощников и т. д. Помощь эта оказывается потому, что герой либо принимает условия потенциального помощника (молочная речка соглашается спрятать героиню, когда та соглашается отведать ее киселя), либо оказывает ему определенную услугу (Иван-царевич угощает старух-швей

молодильными яблоками), либо сам ставит помощника в условия, вынуждающие его оказать помощь герою (Иван-царевич угрожает волчице расправой с ее детьми). Нередко ментальное воздействие может сопровождаться физической акцией, например, когда речь идет об устранении героем антагониста: «конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозил ему голову, а царевич доконал его палицей».

Оппозиция речевой и моторной акций соотносима с предыдущей, поскольку, вступая в речевой акт, герой оказывает ментальное воздействие на собеседника. Моторные акции реализуются, как правило, в пространственном перемещении персонажа, в совершении им каких-либо акций при прохождении испытания и т. д.

Акции разрушения и восстановления могут быть направлены как на объект (разделение на части тела чудесной коровы, воскрешение разрубленного на куски тела Ивана-царевича с помощью живой и мертвой воды), так и на саму среду (Вертодуб корчует деревья, Иван строит для царя чудесный дворец), и могут нести как положительное, так и отрицательное семантическое наполнение.

Произведенное выше распределение персонажей по группам основывается на противопоставлении основных четырех семантических сфер: индивидуальной (I), семейной (II), сословной (III), пространственной (IV).

В структуре волшебной сказки указанные сферы образуют определенную иерархию: пространство делится на «внешнее», «свое» царство, за границами которого находится «чужое» тридевятое, и «внутреннее», ограниченное пространством жилища. Жилище в свою очередь выступает в качестве вместилища семьи героя, обладателя как «внешних» – социальных – так и внутренних – индивидуальных характеристик.

Являясь персонификацией определенной семантической сферы, персонаж волшебной сказки наделяется, как это уже отмечалось, признаками, реализующими не какую-либо одну, а сразу несколько или даже все четыре области значений. Персонажи, включенные в группу I, конкретизируются как родственники или свойственники (II), могут получить дополнительную сословную характеристику (III) и локализоваться в определенном месте сказочного пространства (IV).

Такое «развертывание» признаков индивидуального статуса позволяет рассматривать персонаж волшебной сказки не только как носителя определенных признаков, но и как одно из звеньев в цепи межсюжетных трансформаций.

Расширение набора признаков индивидуального статуса за счет надстраивания над ними признаков семейной, сословной и пространственной областей значений позволяет из ограниченного числа элементов «порождать» бесконечное множество вариантов персонажей. «Биографичность» волшебной сказки приводит, однако, к тому, что количество признаков, определяющих направленность сюжетного функционирования данного персонажа, ограничивается. Действительно, именно родство и брак становятся тем гармонизирующим механизмом, который снимает противоречия между естественным и чудесным (укрошение демонической невесты), антропоморфным и неантропоморфным (расколдование превращенного в зверя брачного партнера), живым и мертвым (родство с мертвецом как основа получения от него помощи) и т. д. Сконцентрированность действия большинства волшебных сказок вокруг темы брака приводит к тому, что на первый план выводится персонаж, который по своим семантическим характеристикам принадлежит к младшему

поколению, представляя собой потенциального брачного партнера. Как функции задаются по отношению к герою, так и семантические признаки оказываются ориентированными на младших в семье. Именно они представляют собой ту группу персонажей, которые обычно выступают в роли героя.

Таким образом, мы возвращаемся к рассмотрению действующих лиц волшебной сказки, инвариантные формы которых были выявлены В. Я. Проппом в «Морфологии сказки». То, какую роль выполняет персонаж, зависит не от всего набора признаков, которыми он наделен, а лишь от определенных, достаточно устойчивых именно для данного действующего лица. Актуализация этих базовых свойств и определяет характер отыгрываемой им роли.

Так, в роли героя выступает младший в семье: сын (варианты – малолетка, группа мальчиков), младшая дочь, падчерица или пасынок, младший брат или сестра, братья-близнецы. Принцип деления на «старших» и «младших» распространяется и на персонажи, реализующие сословную сферу значений: отношение родители – дети параллельны в этом аспекте отношению хозяева – слуги. Поэтому на границе с новеллистической сказкой возникает герой – солдат, слуга, конюх.

Признаки всех остальных действующих лиц задаются именно по отношению к статусу героя.

Если герой – это «младший», то для персонажа, выступающего в роли дарителя, обязательными оказываются признаки старший и «относящийся к границе» своего и чужого мира. В семейной сфере «старшие» интерпретируются как «родитель», «предок», в индивидуальной – как «старики». Действительно, очень часто именно эти персонажи наделяют героя помощником, причем в первом случае это «загробный» даритель

(умершие родители), во втором – нищие, прохожие, т. е. персонажи, репрезентирующие «дорогу» в чужой мир.

Искомый брачный партнер (невеста, жених) всегда локализован в «чужом» для героя пространстве, интерпретируемом и как «иное царство», и как «иное» сословное пространство (Иванушка-дурачок женится на царевне), и как «иной» индивидуальный статус (зооморфный, чудесный, сверхъестественный).

В роли антагониста героя выступают вредитель и ложный герой.

Ложный герой или соперник, – это неистинный герой: старшие братья близки к младшему в семье в своем статусе «детей», но не являются подлинными младшими; дочь ведьмы сходна с героиней по возрасту, но она «не настоящая» царевна и т. д.

Вредитель – это всегда «чужой» по отношению к герою персонаж, причем в качестве «чужого» он может репрезентировать любой из признаков: «неродная» мачеха изводит падчерицу; «чужой», «далекий» жених-Змей похищает царевен; лесной демон (Яга, людоед) заманивает детей и т. д.

Героцентричность волшебной сказки приводит, таким образом, к тому, что семантические признаки, с помощью которых производилась классификация персонажей и описание их межсюжетных трансформаций, оцениваются с точки зрения их отношения к герою и оказываются ценностными индикаторами его движения от негативного состояния к позитивному. Статус любого действующего лица в одной или нескольких семантических сферах оценивается как «свой» или «чужой», «высокий» или «низкий» по отношению к статусу, который занимает герой. При этом позитивной или негативной оценке может быть подвергнут любой из статусов. Например, «ведовство» невесты расценивается как позитивное

качество мудрой жены героя и как негативное – у колдуньи. Если Баба-яга в одних сказках действует как похититель детей, а в других как даритель, то это целиком зависит от того, в каком статусе она находится по отношению к герою: в первом случае она «чужая», во втором — оказывается в «родственных» отношениях с героем (Яга-теща) или является «пограничным» персонажем, дающим герою временное пристанище.

Эта особенность волшебной сказки делает структуру персонажей способной к внутри- и межсюжетным трансформациям и дает возможность семантически однотипным фигурам исполнять в сюжете самые разнообразные роли (например, мать-даритель, мать-вредитель, мать-жертва и т. д.), что, естественно, значительно увеличивает вариативность сказочных коллизий.

Итак, для внутрисюжетного функционирования персонажа важным оказывается не только то, какую типовую роль он выполняет, но и то, какими семантическими признаками он наделен, поскольку именно они соответствуют тем конфликтам, в которых данный персонаж принимает участие. Именно они обыгрываются в сюжете, задавая тем самым формы коллизий. Убийство, поборение, изведение связаны с такими оппозициями, как сильный – слабый, живой – мертвый, цельный – расчлененный; изгнание, заточение – с признаками бездомный, свободный – пленный; обладание, получение, похищение – с такими, как богатый – бедный, хозяин – слуга и т.д.

Семантические признаки персонажа, реализующиеся в системе оппозиций, не только определяют характер сказочных коллизий, они могут меняться по ходу сюжета в силу того, что персонаж представляет собой пучок признаков, т. е. является многосоставным образованием,

легко распадающимся и столь же легко комплектующимся в новое. Эта особенность структуры персонажа делает ее удобной для функционирования по законам сказочного повествования, так как она оказывается хорошо приспособленной для работы в условиях сюжета, построенного на ритмах потерь и приобретений.